

Глаза Итана Блэккетта широко открылись, и он тут же почувствовал под собой твердую, холодную поверхность.

Он несколько раз моргнул, пытаясь приспособиться к окружающей обстановке, и понял, что лежит на сыром бетонном полу.

Воздух был прохладным и странно лишенным какого-либо смрада. Когда он поднялся, его руки слегка скользили по скользкой земле, он заметил, что его окружение было в резком черно-белом цвете.

Он огляделся, его охватило смятение. Казалось, он проснулся в канализации.

Стены, обычно окутанные тенями, были четкими и детализированными в оттенках серого.

Он заметил группу крыс, убегающих от него, их крошечные лапки топали по мокрой поверхности. Их мех был тускло-серым, плавно сливаясь с бесцветной средой.

Итан медленно встал, чувствуя, как холодок пробирается по его позвоночнику. Отсутствие запаха показалось ему странным, что заставило его сосредоточиться на своем дыхании, и он обнаружил, с растущим чувством страха, что он вообще не дышит.

Его руки в панике взлетели к груди, а глаза последовали за ними, расширившись от шока. Его руки были ненормальными — они были скелетными. Его грудь, все его тело, были просто костями. Зрелище было одновременно ужасающим и сюрреалистичным.

Будучи выпускником факультета естественных наук, Итан был озадачен. Как он мог стоять и быть в сознании в этом теле?

Он должен был что-то почувствовать, может быть, страх или волнение.

Вместо этого он почувствовал жуткое спокойствие, рациональную ясность, которую он никогда раньше не испытывал. Его СДВГ всегда рассеивал его мысли, не давая ему долго концентрироваться.

Но сейчас, в этом странном состоянии, он чувствовал остроту ума, сосредоточенное спокойствие, которое было столь же тревожным, сколь и необъяснимым. Он чувствовал себя более контролируемым, более рациональным, чем когда-либо, даже больше, чем когда он погружался в изучение науки или преподавание. Даже больше, чем когда он читал романы, комиксы или смотрел фильмы и телешоу.

Противоречие между его скелетообразной формой и его уравновешенным умом привело его в глубокое замешательство, заставив задуматься о том, что случилось с его телом и почему он ощущает эту странную безмятежность.

Затем Итан заглянул в канализационную воду, надеясь, что его монохромное или, может быть, ночное зрение позволит ему увидеть свое лицо.

К его ужасу, так и произошло. Из мутной воды на него уставился череп, его глазницы мерцали синим пламенем.

Отчаявшись понять, он пытался открыть и закрыть свои несуществующие глаза. Синее пламя расширялось и сжималось, изменяя его зрение.

Вместо овальных помех, вызванных веками человека, прищуривание заставляло его зрение четко фокусироваться на одной точке, что повышало четкость изображения, но приводило к потере периферического зрения.

Когда он открыл, или, вернее, увеличил размер пламени своих глаз, он мог видеть все вокруг себя нормально, хотя и только в черно-белом цвете.

Пока он исследовал свое новое тело и странную ясность своего ума, внезапный звук нарушил тишину. Он отозвался эхом в его несуществующих ушах, словно хлопки хлопушек, которые используют для вечеринок, вырывая его из интенсивного самоанализа.

Звук усилил его замешательство и любопытство, отвлекая его внимание от его скелетообразной формы и направляя его к источнику шума.

И тут на краю его зрения появился голографический чибби-робот синего цвета — ну, не совсем в углу, а занял почти четверть поля зрения.

Он помахал рукой и сказал: «О, привет! Кажется, ты уже встал и двигаешься. Извините, мне потребовалось некоторое время, чтобы связаться с вами; я получал особые инструкции... кхм! В любом случае, я перейду к делу...»

Итан не был так потрясен этим новым откровением, как он думал. Казалось, его эмоции притупились. Даже если бы они не притупились, он бы не испугался; возможно, он бы просто почувствовал сильное волнение.

Голографический робот на секунду замер, его маленькие глазки прищурились, словно он что-то обдумывал, затем они снова стали круглыми, и он заговорил с преувеличенным выражением: «Ух ты! Ты не сходишь с ума... совсем нет, а!» Он сказал это с вопросительным взглядом, над его лбом даже появилось несколько вопросительных знаков.

Итан молчал, позволяя голографическому роботу говорить и обрабатывая всю информацию, которую он давал.

В конце концов, это, вероятно, должно было объяснить вещи, так зачем же делать его объяснение излишним, подвергая его сомнению? Может быть, оно само по себе даст больше информации, чем он мог бы получить, подвергая его сомнению.

Будучи преподавателем, он знал, как раздражает, когда тебя прерывают посреди лекции вопросами по теме, которую ты собирался объяснить.

Не то чтобы он ненавидел вопросы (задавать вопросы после объяснений — это одно), но задавать их до объяснений было просто раздражающе.

Затем робот пожал плечами и сказал: «Думаю, это должно быть легко... Хорошо! Итак, прежде всего, поздравляю! Вы переселились!»